

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Двести лет вместе

<Фрагменты>

<...>

Сам Троцкий был — несомненный интернационалист, и можно поверить его демонстративным декларациям, в которых он отталкивал от себя всякое еврейское, — но, судя по назначениям, еврей-отщепенцы были ему ближе отщепенцев русских. Среди ближайших помощников Троцкий держал почти всегда евреев (из трёх старших секретарей — Глазман, Сермукс, а начальник личной охраны — Дрейцер¹). Вот понадобился властный и безжалостный заместитель Наркомвоена — какая высота поста! — Троцкий, не колеблясь, назначил врача Эфраима Склянского, никакого не боевого и не штабного командира, — и вот, по посту зампреда Реввоенсовета Республики, Склянский подписывается выше Главкомандующего генерала С. С. Каменева.

И ведь не подумал же Троцкий, как неуместное назначение врача будет выглядеть для военных-строевиков, а само возвышение Склянского — для всей России, ему и заботы о том не было. Однако знаменитая фраза Троцкого, что «Россия не созрела до того, чтобы во главе её стоял еврей», показывает, что ему, применяя к себе, не безразличен был этот вопрос.

<...>

Внимательно работав над биографией Троцкого, я согласен с мнением, что у него не было специфически еврейских горячих привязанностей, а наоборот — ярый интернационализм. Так такого бы соплеменника — легче всего осудить? Но уже с восхода звезды Троцкого, с осени 1917, он стал для слишком многих пред-

метом гордости, и чуть ли не кумиром радикально-левых кругов американского еврейства.

Да что там американского! В 50-е годы сидел со мной в лагере, ещё тогда юноша, Владимир Гершуни² — страстный социалист, интернационалист, не было в нём никакого оттенка не то что религиозности, но, кажется, даже и еврейского сознания. В 60-е годы мы встречались на воле, и по какому-то поводу он дал мне свои заметки. И в них: что Троцкий — Прометей Октября, да не почему-нибудь, а прямо потому, что Троцкий — еврей: «Он был Прометеем не потому, что таким уродился, но потому, что он — дитя народа-Прометейя, который, не будь он прикован к скале тупой злобы цепями тайной и явной вражды, ещё не столько бы сделал для человечества».

<...>

Троцкий как-то похвастался, что «даже» в своём реввоенсоветском вагоне в Гражданскую войну он «находил время» знакомиться с новинками французской литературы.

И ведь — не заметил, *что* сказал. Не время он находил, а — место в сердце, оставался у него такой объём в сердце между воззваниями «к революционным морякам» или насильно собранным красноармейским частям — и брошенным приказом расстрелять каждого десятого в дрогнувшей части, а уж смотреть исполнение он не оставался.

На обширных равнинах России он вёл кроволитную (так в тексте. — *Сост.*) войну, нисколько не затронутый небывалыми страданиями жителей этой страны, её болями, — он проносился выше, выше всего этого, на крыльях интернационального упоения.

<...>

